

Владимир Баум

Гибель королей

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Владимир Баум
Гибель королей

«Автор»

2026

Баум В.

Гибель королей / В. Баум — «Автор», 2026

"Гибель королей" — заключительная книга серии "Гибель бургундского королевства" нашумевшего молодого писателя Владимира Баума. Удастся ли Зигфриду пережить свою судьбу и избежать смерти? Что ждёт уцелевших бургундов и удастся ли им восстановить своё королевство? Какую роль ещё уготовано сыграть Хагену-бастарду? Сможет ли пресвитер Марвин спасти свою сестру? На эти и многие другие вопросы вам даст эпический финал серии.

© Баум В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава первая	8
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Владимир Баум

Гибель королей

Пролог

На улице уже начало светать, когда любовники приняли решение расстаться.

«Ещё одна бурная ночь», — мысленно заключила Белуга, устремляясь вверх по крутому, освещённому светом луны, меловому склону с пляжа близ Андеритума — городка-форта на юге Британии под римским владычеством. Лишь номинальным.

С тех пор, как легионы покинули остров несколько месяцев назад, оставив лишь мелкие гарнизоны в некоторых поселениях (Андеритум в их число не входил) для охраны, Британию уже нельзя было считать римской. Это понимала и Белуга, хоть и была женщиной. Это было понятно и многим другим. Лишь вопрос времени, когда на отделённом от Империи острове начнутся восстания давно покорённого кельтского народа, а то и вовсе захват придёт извне — из Келедонии (современная Шотландия) или Гибернии (современная Ирландия).

Гиберния... Наверное, будь это место не столь ужасным и чуть более приветливым, Белуга испытала бы тёплые чувства к этому названию — ведь сама она происходила из народа гибернов. Правда, лишь наполовину. Многие называют их народ по разному: гибернами, иберами, эрбинами — но как ни назови, суть не меняется. Очень воинственная и варварская суть...

Наверное, нет на земле места более дикого и сурового, чем Гиберния — отец её был с этого острова, но погиб в налёте на римскую землю где-то на западном побережье Британии. А может, и не погиб... Мать её была критянкой, которая, к слову, и зачала её на этом самом восточном побережье Британии... Она много раз рассказывала дочери, как это было. Пусть не сразу, а с возрастом, когда та подросла. Собственно, рассказывать толком и нечего: обычный налёт со всеми вытекающими (западная часть Британии частенько страдала от налётов гибернских и других пиратов), производимых воинственными гибернами, но для Рима этот урон был столь незначительным, что его можно даже сравнить с назойливой мухой, то тут, то там присаживающейся на тело слона — мать её изнасиловали, она понесла — со временем и родилась она, Белуга. Кто был её отец точно нельзя сказать, но можно поступить в данном случае методом исключения: исключить черты матери, и посмотреть, что остаётся. А остаётся следующее. Мать её была стройна, тонкокосна и весьма невысока. Дочь же оказалась выше матери, что говорит о том, что и отец был явно выше неё-самой. От отца Белуге достались и волосы: у матери они были вьющиеся и чёрные, что вороново крыло, а у неё светлы и даже без намёка на «курчавизну». Кость тоже явно толще материнной, а лицо шире, как и нос, сам нос вздёрнут, глаза, в отличии от материнских карих, голубы — вывод напрашивается сам собой. Признаться, весьма странный набор признаков, особенно если учесть, что черты матери явно доминантны...

Но это лишь внешняя часть — культурно, если можно так выразиться, она пошла полностью в мать, ибо нрав у неё, как у всякой критянки, был весьма распутен. Как он думала. Даже сейчас, устремляясь по меловому крутому подъёму с пляжа в гору, она несла на теле своём критское народное женское облачение — Авл, её возлюбленный, очень любил этот наряд за открытую грудь — в области груди этого белого длинного платья красовалась огромная прорезь, словно у расшнурованного халата, из-за чего женские груди обнажались во всей своей красе, но такова была задумка древнего «дизайнера». Безусловно, для Рима данный наряд не был чем-то из ряда вон выходящего, но с распространением христианства «на людях» такое стало носить непотребно, но Белуга нисколько не боялась, что кто-то её обнаружит в предрасветных сумерках при возвращении в форт — Авл, её возлюбленный, как раз служил в мест-

ном гарнизоне и уладил этот вопрос со своими сослуживцами — дабы его любовницу без проблем пропустили и не задавали вопросов о её «наряде».

Авл... Она продолжала взбираться на гору и ещё чувствовала внутри его тёплое семя.

Они решили, как и всегда после своих любовных утех, вернуться в Андеритум по очереди, не привлекая не нужного внимания. Благо форт был совсем близко от пляжа, где они предавались блуду, а дорога безопасной. Опасность крылась в другом — застать на этом пути мужа. Но по расчётам Белуги этот тупой мужлан должен валяться сейчас где-нибудь пьяный...

Она наконец закончила подъём, и перед ней вместо белого мелового пространства открылась зелёная британская травка, щедро поливаемая небесами дождём. Правда, сейчас эта трава казалась, скорее, тёмно-синей в предрассветных сумерках.

Белуга пошла дальше в сторону форта и продолжала думать об Авле. О его запахе, смуглой коже, кудрявых, как у её матери, чёрных волосах, плоти между ног...

Она познакомилась с ним около года назад, когда римские легионы ещё стояли здесь. Ему настолько полюбилась Белуга, что он принял решение во что бы то ни стало остаться здесь, с ней. И ему это, не без труда, удалось. Теперь он охранял местный форт от... даже и не скажешь, толком, от кого — гиберны и другие кельтские пираты сюда никогда не вторгались, а по другую сторону от пролива греет северная Галлия — совершенно безопасная и подконтрольная Империи.

Тут ей на ум снова пришёл её муж.

Ну конечно! Именно от этого пьяницы и должен охранять её здесь Авл!

А форт всё приближался... Вернее, Белуга всё ближе и ближе подходила к нему. А с тем и множилась тревога в сердце путницы-блудницы.

«Ничего не случится. Он, как и всегда, сейчас лежит где-нибудь в обнимку с бутылкой, шлюхой или свиньями...», — продолжала мысленно утешать себя Белуга. Действительно, всегда так и было — она возвращалась, а он либо был в стельку пьян, — при таком раскладе чаще всего его даже и дома-то не было, — либо гулял со своими девками, — иной раз она даже заставляла мужа с подобными особами прямо в их доме, и потому совесть изменницы была чиста, ибо у неё имелось алиби: «Коль ему можно изменять, то и я могу», — думала она всегда на сей счёт, — либо же, да, валялся в свинячем загоне — именно там его один раз и обнаружила стража, как раз тогда, когда службу нёс её любимый Авл — он-то и поведал ей эту историю, хоть и не любил лишний раз вспоминать о муже возлюбленной.

Муже... И зачем она только вышла за этого болвана. Анавос, — так звали её мужа, — был по происхождению бритом — из местного кельтского субстрата, завоёванного римлянами, такими, как Авл... Глядя на своего мужа, Белуга могла воочию представить, как мог выглядеть и её папаша, только в отличии от матери, она вышла за него добровольно, по собственной воле. Хотя, кто знает, может, и мать её была рада такой насильственной связи с её отцом...

Аनावос был воплощением дикости. Наверное, в Гибернии жили примерно такие же люди, хотя, ей порой казалось, что и людьми-то это называть не следует... Муж ей представлялся воплощением дьявола, о котором так часто толкуют священники, как порой слышала от них Белуга из их описаний сего персонажа, с которыми, к слову, жителям Андеритума особо не приходилось контактировать из-за отсутствия в их поселении и рядом с ним церковью. Впрочем, Белуга не был столь подкована в знании христианства, чтобы судить наверняка о природе дьявола. Муж же её был очень свиреп — даже белокурые волосы его, почти седые, стояли дыбом постоянно и меньше всего на свете ей хотелось сейчас увидеть эти шевелюру и физиономию. Эти вечные синяки под глазами — то ли от пьянства, то ли ещё от чего. Эти белые усы — постоянно забирающиеся в рот ему-самому и Белуге, когда её мужу вздумается её облобызать — под широким носом с огромными ноздрями, которым он то и дело постоянно шмыгает и отхаркивает из него густое содержимое. От воспоминаний об этом существе хотелось кричать. Но времени на это не было — она была уже близко.

— Стой! Кто идёт?! — прокричал стражник на стене.

— Ты что же, ослеп?! — послышался голос другого стражника, едва Белуга открыла рот и собиралась уже назваться. — Не видишь что ли? Возлюбленная нашего сатира Авла! Пропустите её! — напоследок махнул он стражникам вниз, под аркой входа в форт.

Она прошмыгнула под крышу вдолбленных в деревянную широкую стену открытых ворот — форт их был не столь значим и не столь богат, дабы стены его были каменными, однако важные госстроения были всё же в основном из камня — даже баня имелась.

Форт встретил её пляской пламени факела в её глазах — через час здесь закипит жизнь: ремесленники выйдут на работу, а лавочники за свои прилавки.

Миновав рынок почти сразу у южного входа в Андеритум, Белуга предстала перед порогом своего двухэтажного каркасного жилища — именно в таком жилье чаще всего жили простолюдины Британии в ту пору. Дом стоял на невысоком фундаменте и от входной двери её разделяло ещё и крыльцо. Над окнами второго этажа болталось сохнувшее бельё на верёвках. Помедлив ещё мгновение она шагнула ко входу.

Не прошло и минуты, как входная дверь тёмного дома со скрипом затворилась.

Она ощутила чьё-то присутствие по запаху алкогольного перегара в помещении.

И не ошиблась.

— Здесь кто-то есть?.. — полушёпотом бросила она во тьму.

— Я ждал тебя... — с ноткой жестокости в голосе тихо прошипел её муж. — Где ты была?..

— Я... Я... — не находила слов пойманная на горячем Белуга.

Последовал первый удар — куда-то в челюсть — следующий же выключил ей свет.

Глава первая

Дождь продолжал лить, как из ведра, а копыта Грани вязли в том, что некоторые склонны были называть дорогой — Марвин отнюдь не мог сейчас назвать то грязевое месиво, по которому он ехал верхом, дорогой. Однако это была именно она, дорога, а вернее «он», тракт — бургунды звали этот маршрут на северной границе своих земель просто — «Северный Тракт» — без изыществ и излишеств речи. Темень была непроглядная, но белый конь, — прекрасный белый конь Зигфрида по имени Грани с белоснежной густой и длинной гривой и таким же густым и длинным белоснежным хвостом, — всё равно как-то находил дорогу. Впрочем, Марвин, не собиравшись ему в этом препятствовать. Он был погружён в свои мысли и ещё так и не отошёл от того, что он уже совершил и ещё намерен совершить.

«Чёрт бы подрал этот проклятый дождь! Когда же он уже наконец закончится!», — ругал он природную стихию у себя в голове.

Подумать только: ещё недавно они — Зигфрид, Марвин и две их неожиданные и вынужденные спутницы: валькирия Гейр, которую Зигфрид решил пощадить при не столь давней потасовке; и опороченная разбойниками короля Гундомара дочь ремесленника Бруно Ульфсона по имени Амалия — так рьяно устремлялись на восток, в деревню Косзан, дабы воссоединиться там с остальными спутниками: бургундским младшим принцем Гизельгером, его сестрой Кримхильдой и многими другими — теперь же, правда, один-лишь Марвин, бывший бургундский пресвитер Старгарда, рвался в обратном направлении — на запад: подальше от Зигфрида, бастарда короля Гибики и Уте — Хагена, объявившегося вместе с, — вот те на!, — теперь уже КОРОЛЕМ! Гунтером! Подальше от назойливого, словно муха, летящая на говно, принца Гизельгера и от его паскудной сестрицы Кримхильды, постоянно то ли с надменным, то ли с наигранно-сочувствующим выражением лица — Марвин просто терпеть не мог последнюю — уж он-то знал, что эта «особа» ещё проявит себя с худшей стороны... Ему хорошо были ведомы все страсти бабьего племени, разумеется, не в последнюю очередь с подачи до сих пор многоуважаемого им бывшего епископа Бургундии Ария. В любом случае он не собиравшись больше никогда не встречаться с этим сборищем. Да поможет ему в этом Бог!

Но как так получилось, спросит заинтересованный читатель, что ещё недавно дружный с описанными выше персонажами пресвитер Марвин теперь ехал от них подальше и духу их выносить не может? Ещё более внимательный читатель обратил внимание и на ездовое животное... «Почему это Марвин едет на запад верхом на Грани?! — легендарном скакуне Зигфрида?», — спросит такой тип читателя. Спокойно, весь рассказ ещё только впереди...

А всё началось ещё пару недель назад, когда он, Зигфрид и две их спутницы двигались пока ещё на восток, в Косзан. Память Марвина ещё хорошо помнила те события...

— Как спалось, спящая красавица? — подколот Марвина Зигфрид за завтраком — они разбили лагерь в объятиях небольшого леска — они держались подальше от основных бургундских дорог, на которых могли ошиваться прихвостни короля Гундомара — ах, не знали они ещё тогда, что опасность их может поджидать не только лишь на дорогах, а опасаться следует не только лишь слуг короля!..

— Как никогда в жизни желанно и приятно! — ответил бывший пресвитер. Ещё бы, ведь все последние дни ему только и приходилось, что спать в собственном дерьме с мочой в стенах часовни Старгарда, откуда его из заточения гундомаровой своры и вытащил как раз Зигфрид.

А дождь всё так же моросил. Погода стояла пасмурная. В послеполуденное время отряд выехал на достаточно большую поляну.

— Отец!, смотри!, радуга! – воскликнула ехавшая чуть позади Амалия, и указала вперёд. Бедная девица... Ещё не так давно, несколько дней назад, её изнасиловало полдюжины сторонников короля Гундомара, наводящих самый настоящий шухер на местное население Старгарда — спас же её из лап этих мерзавцев, опять же, Зигфрид — теперь она ещё находит в себе силы радоваться... РАДУГЕ!

Марвин и остальные подняли голову в том направлении, куда указывала Амалия – да, там действительно виднелась радуга. Но тогда никто не предал ей никакого значения...

Спустя ещё минут пять спокойного и медленного движения прямо на тропе, по которой редко кто путешествовал, по которой они как раз сейчас двигались, кто пешком ходом, а кто верхом, показались три тёмных силуэта – метрах в трёхсот от них.

— Кто это, там, впереди? – спросил кто-то неизвестный из конвоя – в прошлом житель Старгарда.

— Да, кто это?.. – заволновался другой.

— Наверное, охотники... – сделал предположение Бруно Ульфсон, отец той самой Амалии.

— А почему они, тогда, стоят и смотрят на нас так грозно?.. – спросил кто-то из спутников.

— Вот подойдём и спросим... – ответил кто-то.

— А вот мне почему-то не хочется к ним даже подходить... — отозвался третий.

— Не нравится мне это... – высказал опасения четвёртый.

Зигфрид не сводил взгляд со стоящих примерно в метре друг от друга в ряд трёх тёмных силуэтов.

А конвой всё продолжал идти вперёд. Он заметил, что один конец ранее замеченной Амалией радуги спускается к этим трём неизвестным. Тут до них осталось метров сто пятьдесят – теперь каждый, кому позволяло зрение, мог рассмотреть силуэты впереди: Марвину зрение также позволяло... Он увидел перед собой три белокурые девы в кожаных коричневого цвета сапожках, на каждой было по серебряной блестящей кольчуге на нагом бледном теле с декольте, открывающем среднего размера грудь примерно наполовину, головы же их венчали местами позолоченные крылатые шлемы – из каждого шлема по бокам торчала по два крыла такого же, как кольчуги, серебряного цвета. На поясе у каждой по бокам болтались дорогие ножны, строящая в центре упирала о землю дорогое местами позолоченное копьё.

И тут Зигфрида что-то осенило.

— Дьявол бы их побрал! Все к оружию! – он также выхватил Нотунг, отцовский меч, из ножен.

— Не спеши умереть, сын Зигмунда! – воскликнула одна из неизвестных дев. Испугавшийся отряд немного успокоился – среди них не было воинов. Совсем. Кроме Зигфрида. Если кто и хотел "выхватить меч" или другое оружие – у того его либо не было, либо он не умел им пользоваться.

— Ты знаешь меня? Откуда? — громко спросил их Зигфрид.

Вопросы остались без ответа, а воскликнувшая ранее неизвестная добавила:

— Стой там, где стоишь, принц! Мы сейчас подойдём!

И они уверенной походкой двинули в направлении конвоя. Не прошло и минуты, как они оказались совсем рядом с ними. Зигфрид поспешил спешиться. То же сделал и Марвин, и при этом спросил:

— Кто они?..

— Ты что же, ослеп!?... – выругался Зигфрид, – Ты пресвитер Старгарда или я!?...

Из всего их отряда верхом ехала примерно половина — остальные тоже стали спешиваться.

– Ну привет тебе, убийца Фрейи... – улыбнулась стоящая в центре из трёх подошедших неизвестная, лик её был прекрасен, однако Зигфрид, должно быть, знал, что это обман, но на тот момент Марвин ещё не понял, что из себя представляют эти девицы, не понял, что это иллюзия, обман зрения: такой же, как и в случае с той же Фрейей... Было очевидно, что эти трое тоже осознают, что их личина известна, по крайней мере, некоторым из них.

Стоящая в центре дева продолжила:

– Вид у тебя что-то не очень, Зигфрид, сын Зигмунда... (скандинавы бы сказали "Зигмундсон"...) – и снова улыбнулась, – Неужто ты боишься нас!?

Марвин тем временем внимательно рассматривал неизвестных.

Ранее говорившая продолжила:

– Ну-ну, принц, не трясись ты так... – и улыбнулась, снова. – Позволь представиться: моё имя Гель, это Гейр, – указала она на стоящую от себя по правую руку такую же изящную деву, – а это Гёндуль, – то же действие проделала и с другой своей соседкой, по левую руку, – мы пришли с миром.

"Мирняк", казалось, немного успокоился.

– И что вам нужно? – попытался сдержать тревогу в голосе принц – ему это не удалось.

– Ты весьма огорчил нашего отца... Признаться, Всеотец рассчитывал, что бастард убьёт тебя... Однако Хаген встал на твою сторону... – продолжила улыбающаяся.

– Что за чёрт!? О чём это она!? – вмешался Марвин.

– Тсс!, потом... – остановил его Зигфрид. Та продолжила:

– Впрочем, теперь это уже не важно... – продолжала она также и улыбаться, – Всеотцу нужна была Фрейя живой, теперь его планы изменились... – улыбка белокурой бестии стала ещё зловещее – губы каждой девы были чем-то намажены до красноты – у улыбающейся показались белоснежные зубы.

– О Боже, она сказала «Всеотец»?.. Я не ослышался!?... Господи, Зигфрид, скажи мне, что она не про Вотана... – Марвин стал обливаться холодным потом – одна из капель текла по его скуле. Помимо всего прочего дождик также продолжал легонько моросить. Дева же проложила:

– Наш отец требует от тебя это, – она указала на пояс Зигфрида, на котором красовался Брисингемен.

– «Наш отец»?!... – пискнул Марвин. – О, Боже... — Марвин окончательно понял, что за трио стоит перед ними — очевидно, это валькирии-падальщицы — дочери- девственницы бога Вотана.

Та в свою очередь продолжила:

– Отдай этот пояс нам, и ты и весь твой отряд останется в живых и вы уйдёте восвояси.

– Говорила переставшая улыбаться дева теперь уже с серьёзным выражением лица.

– Но на кой Вотану сдался этот пояс? – спросил принц.

– Вотану, значит... – поник Марвин, а сам подумал: «Это действительно они! Не может быть! Нам всем конец!»

– Это уже тебя не касается, смертный!.. – грозно ответила Гель. – Не трать наше время в пустую! Делай, что велено!

– Зигфрид!.. – взмолился Марвин, взяв его за воротник. – Отдай им то, что они просят... Они ведь нас всех перебьют!..

– Умный мальчик. – Красные губы Гейр сделали сие замечание, обнажив при этом белоснежные зубы позади улыбки.

– Так пусть, если он не хочет отдавать нам Бресингемен, сестра, эти мешки с грязью сами для нас его добудут! – гортанным голосом предложила Гёндуль, обводя рукой толпу собравшихся спутников за спиной Зигфрида, имея в виду их же. – Зачем же нам тратить силы и пачкать руки об эти нечистоты?

– Отличная мысль!.. – снова заулыбалась Гель.

– О чём это они? – буркнул Бруно Ульфсон чуть позади.

– Ну так что, красавчик? – снова взяла слово улыбающаяся Гель. – Ты отдашь нам этот пояс или готов пролить кровь всего этого простого люда?..

Отдавать пояс «красавчик» явно не собирался.

– Зигфрид, прошу... – молил его Марвин. – Отдай им этот треклятый пояс!.. – он пал на колени перед ним и ухватился за его штаны, через ещё пару мгновений он начал рыдать. Марвин, сколько себя помнил, всегда был трусом, но сейчас он просто чудом не обмочил штаны — наверное, благотворно сказало недавнее справление малой нужды.

А Зигфрид тем временем ответил вопрошающей:

– Ты не получишь этот пояс, ведьма. Это мой трофей. Это вы убирайтесь восвояси! – взмахнул он левой рукой, свободной от меча.

«Нет... Как он так может?», — пронеслось в голове у Марвина и он в глубине души уже приготовился к смерти.

– Вы всё слышали! – обратилась Гель к всем спутникам принца франков. – Теперь, увы, либо вы, либо он! – указала указательным пальцем Гель прямо на Зигфрида и безумно расмеялась совершенно зловещим образом.

– Как это понимать, папочка?! – проблеяла позади Амалия и зарыдала.

– Прячься скорее, дочь моя!

– Мы не будем сражаться с Зигфридом! – вышел кто-то из толпы. – Он спас нас от людей короля. Если бы не он, нас бы в дальнейшем растерзали люди, — он сплюнул на мокрую землю, явно тем самым выказывая презрение к упомянутому снова в дальнейшем королю, — с позволения сказать, «короля» Гундомара.

Остальные спутники Зигфрида тоже явно не горели желанием сражаться с ним. Многие из них, после услышанных слов, согласно заворчали.

– Да, мы не будем с ним биться!..

– Убирайтесь лучше вы отсюда!

– Зигфрид спас нас! — прокричала истеричная женщина.

«Жалкие глупцы! Они и представить себе не могут, с кем только что связались!», – в свою очередь подумал Марвин.

Гель вдруг погрузилась.

– Идиоты! – заорала она. – Ваш «герой» только что подписал вам смертный приговор! В атаку сёстры! – две сестры Гель также извлекли по мечу из ножен. Кони с ржанием разбежались, а две группы схлестнулись в поединке. А вернее, один Зигфрид сошёл в бою с Гель, вооружённой копьём, её же сёстры устремились вырезать безоружных спутников принца. Марвину повезло: поскольку он путался в ногах Зигфрида, меч сестёр Гель пока миновал его, но смертоносные валькирии, дочери-девственницы бога войны Вотана, устремились рубить направо и налево убегающую и вопящую толпу, словно свиней. Зигфрид удивительно легко справился с Гель: первый же удар после нескольких парирований разрубил её копьё надвое при попытке парировать удар Нотунга.

– Но как!.. – ошарашенно уставилась одна из валькирий на обрубки своего копья в руках.

– Вот так. – Ответил ей противник и сбрил её иллюзорно-прекрасную голову с её торса.

– На помощь! – послышалось за спиной. Зигфрид обернулся. Многие были уже перебиты.

Прямо на его глазах Гёндюль пронзила насквозь Бруно Ульфсона, отца Амалии, которая в свою очередь встретила смерть отца громким криком:

– Отец! НЕТ!

– Беги... Беги... – только и смог вымолвить он перед тем, как меч валькирии был извлечён, окровавленный, наружу из его туловища, после чего свет окончательно померк в глазах убитого.

Зигфрид тем временем оказался рядом с убившей Бруно Гёндюль. Воспользовавшись внезапностью при атаке со спины, он нанёс рубящий удар в район шеи, но та вовремя усекла приближение врага, и успела отпрыгнуть – Нотунг разрезал кольчугу валькирии словно лоскут ткани – звенья брони посыпались, а сама кольчуга слетела с нагого тела Гёндюль в мгновение ока – теперь она была абсолютно голой в своих кожаных сапогах, крылатом шлеме и с мечом в руке. Казалось, она сама не ожидала, что попадёт в такое неловкое положение – она только и могла, что держать рот открытым от изумления и разглядывать своё нагое тело. Марвин знал, что это обман – вдохни он запах ладана, и эта красотка превратится из прекрасной девственницы в дряхлую падальщицу, похожую на обезьяну, – это всё была иллюзия, – и потому Зигфрид, ни секунды больше не медля, нанёс рубящий удар сверху вниз. Но к удивлению последнего, та отбила удар, но, вот беда, её меч разнесло в щепки от удара волшебного Нотунга. Следующий удар по закрывшейся руками от лезвия был уже смертельный.

Зигфрид огляделся по сторонам – Гейр закончила с остальными: в живых остались только он, Амалия и рыдающий в грязи Марвин.

– Сёстры! Нет! Не может быть! – она стояла метрах в десяти от Зигфрида, который ответил:

– Твои сёстры мертвы, теперь пришёл и твой черёд! Иди сюда!

– Но!.. как ты это сделал?.. Как ты посмел убить их!? Как ты СМОГ убить их?!

– Довольно! – и принц рванулся к ней. Нанёс удар – Нотунг снова разнёс в щепки меч валькирии: епископ Арий не соврал – этот меч крушит и доспехи и оружие – даже и не интересно как-то стало, с таким-то преимуществом в бою!..

От этого удара Гейр не устояла, и упала на землю.

– Нет! Не убивай! Прошу... — взмолилась она. — Пощады!

Зигфрид всмотрелся в эти умоляющие голубые глаза ангельского существа. Как он и ожидал, эта тварь пустит в ход свои чары: попытается надавить на жалость, выпросить пощады... Да она и переспать готова прямо сейчас с ним!, только бы он не лишал её жизни... Прямо на трупах своих сестёр! До конца не ясно, почему, принцу действительно стало жаль её... Но другая часть сознания говорила: "Нет! Остановись! Помни: это лишь иллюзия! За этим красивым телом скрывается страшного вида монстр, питающийся кровью убитых!" Зигфрид ещё раз вспомнил все рассказы епископа Ария об этих существах – о валькириях. Через много лет скандинавские скальды эпохи викингов, когда подобных тварей больше уже не останется на Земле, придумают красивый образ валькириям, как девственницам, которые уносят павших воинов в Вальхаллу (чертог эйнхерий, или избранных воинов Вотана/Одина, которые во времена Рагнарёка (скандинавского Конца Света) вступят вместе с ним в последний бой с силами Хеля), какой образ они сейчас и приняли перед Зигфридом и остальными, но суть была в том, что на самом деле валькирии – это да, может, и девственницы, но никаких павших воинов они никуда не уносили – они всегда лишь жрали плоть павших воинов и не только воинов!

– Прости... Я не могу оставить тебя в живых... – и замахнуться для удара.

– Не-е-е-т! Не убивай! – зарыдал иллюзорный облик валькирии, видом прекрасный.

«Что такое, Зигфрид? Где же твоя непоколебимость? Почему ты не можешь хладнокровно зарубить эту тварь?», – заговорил с Марвином, наблюдавшим за всем происходящим со стороны, его внутренний голос.

– Я должен тебя убить!.. – очевидно, сам себя пытался в этом убедить принц, направив кончик Нотунга на Гейр, пока безуспешно.

– На кой она нам? – подошёл наконец сзади грязный и немного пришедший в себя Марвин. – Вали её, ну.

– Нет... Прошу!.. – та встала на колени и опустила голову.

– Убей её! Её сестра убила моего отца! – вопила валяющаяся в грязи недалеко Амалия.

– Я... – замылся принц, – Я не могу...

– Ты что, забыл все наставления Ария, дурак!? – воскликнул Марвин, – Дай ей волю, она перережет нам горло во сне!

– Я буду служить тебе, принц... Но прошу, милуй... – с опущенного лица валькирии падали слёзы на мокрую в том числе и от дождя землю.

– Не слушай её! Или, может, ты и все эти трупы наших земляков заодно прихватишь с собой!? Кормить-то ты её чем будешь? Болван, ты подпал под её чары!

– Это вовсе не так, господин Зигфрид! Я в состоянии есть еду человеков! Простите меня, прошу вас! Не убивайте! Я отрекаюсь от своего отца и от служения ему! Прошу у Господа милости! – она теперь уже упала на землю, продолжая сидеть на коленях, всем своим телом, распластав руки по земле перед собой, – Господи!, прости меня! Прости! Всели в душу этого мужа жалость ко мне и пусть он пощадит меня! Сдержи его руку от удара мечом! Дай мне, Господи, шанс искупить свою вину, молю! Дай мне шанс спасти душу свою!..

Тем временем Амалия, о которой все уже успели позабыть, с криком понеслась, вооружённая обрубок меча Гёндуль, в их направлении с намерением пронзить демонессу.

– Нет! – рубануть Зигфрид по остаткам меча валькирии, как он заметил, не сумел бы, и потому отсек кисть держащей его Амалии, теперь та орала по другой причине, ещё пуще прежнего.

– Что ты наделал, глупец!? – ринулся к ней Марвин. – Амалия! Амалия!..

Зигфрид лишь тяжело дышал, глядя на изувеченную им дочь Бруно Ульфсона.

– Не убивай... – снова застонала Гейр, напомнив о себе. Зигфрид резко и с испугом перевёл острие Нотунга теперь на неё. – Не убивай, прошу...

– Хорошо! – ответил наконец принц. – Ты пойдёшь с нами... – он сунул Нотунг в ножны, лишь встряхнув его от красной жидкости перед тем – плевать на кровь. Далее принц свистнул. – Грани, ко мне!

Пока белый конь Зигфрида нёсся к нему, ему оставалось лишь стоять и слушать стенания Амалии и то, как её успокаивает Марвин.

– Нам нужно прижечь её рану, – подошёл к принцу вдруг оказавшийся рядом Марвин. – Это остановит кровь и дезинфицирует рану.

– Тогда станем лагерем вон у того леска, – указал принц на растительность к северу. – Забирай её, я займусь... Эй, а звать-то тебя как?

– Я Гейр...

– Я займусь Гейр, — заключил принц, повернувшись к Марвину.

Грани наконец прибыл, а вместе с ним и верёвки на седельных сумках, которыми Зигфрид туго связал руки за спиной у Гейр.

Спустя час уже всюду полыхал костёр – он был разведён из запасных сухих дров в инвентаре отряда.

– Мы так и оставим гнить их тела вот так? – поинтересовался Марвин, указав на юг, где не так далеко всё ещё продолжали лежать их убитые товарищи, к трупам которых уже потихоньку стали слетаться стервятники.

– У нас нет сил и времени заниматься ими... – уселся на поваленное дерево Зигфрид. – Займись лучше Амалией.

Та продолжала плакать, но больше не кричала – она была где-то между сознанием и состоянием без сознания. Ей требовалось прижечь обрубок руки куском меча одной из валькирий, который прямо сейчас нагревал на костре Марвин, а далее перевязать руку. Он посмотрел на еле-живую сидящую рядом Амалию и покачал головой.

– Я не думаю, что она выживет... – диагностировал он и посмотрел на Зигфрида.

– Она выживет, я чувствую, – он встал. – Я буду держать, а ты жги. Амалия, – он подошёл к ней, – сейчас будет немножко больно...

Через пару мгновений снова раздался крик несчастной, после которого она потеряла сознание.

– А теперь перевязку.

Марвин поспешил выполнять приказ. Далее Зигфрид перенёс её в палатку и аккуратно положил.

– Твою мать, Зигфрид, какого дьявола ты делаешь?.. – спросил его, садящегося на бревно, Марвин.

– То есть?

Пресвитер покачал головой и сам уселся напротив.

– Оглянись вокруг... – указал он рукой в сторону лежащих где-то к югу трупов их ранее живых спутников. – Они все – убиты из-за тебя... Амалия лишилась отца и руки – из-за тебя... – указал на принца он. – Если бы ты мирно отдал этим сучкам этот проклятый Бресингемен – ВСЕ ОНИ! были бы живы... Этот чёртов пояс, – указал он на Бресингемен, – сводит тебя с ума!.. Теперь ещё ты прихватил с собой одну из этих падальщиц! – которая в это время наблюдала за происходящим сидя на лагерном бревне рядом, замыкая треугольник, по-прежнему со связанными руками за спиной, – Скажи.., зачем ты оставил её в живых?..

– «Зачем»? И это говорит мне пресвитер Церкви? А как же заповедь Христа «Не убий»?..

Марвин вздохнул, закатив глаза.

– Эта заповедь не распространяется на таких, как она. – и указал на Гейр.

– Почему?..

– Потому что это суть демон.

– А что, если она действительно покаялась?..

– Ты так хочешь проверить это на своей шкуре?.. Послушай... Вообще, не понимаю, почему я тебе подчиняюсь! После епископа Ария в иерархии Церкви Бургундии наследую главенство я!..

Зигфрид мельком успел поведать Марвину ранее, с момента его освобождения, пока они двигались сюда, что епископ Арий мёртв, а также и кое-какие другие последние события.

– Нет больше той Бургундии, ты же сам теперь уже знаешь. А ты – больше не пресвитер, стало быть.

– Но и Орден рыцарей Фрауии тоже распался.

– Да, но скажи мне, Марвин, ты умеешь владеть мечом?..

— К чему это сейчас...

— Просто ответь!..

— Нет, не умею... — чуть помедлив, ответил бывший пресвитер, и опустил взгляд.

– Поэтому ты и будешь слушать, что я тебе говорю. И я решил: Гейр будет жить.

– Ты спятил... – отмахнулся Марвин.

– Разговор окончен.

На фоне простонала Амалия. Все посмотрели на неё.

– Кажется, нам придётся задержаться здесь до утра... – заметил Марвин.

– Придётся, – сухо ответил ему принц.

– Послушай, а... Не может ли, скажем, Вотан, послать сюда ещё парочку валькирий?.. А то я, знаешь, немного переживаю за нас...

– Об этом можете не беспокоиться, – вместо Зигфрида ответила Гейр, – мой отец сейчас обеспокоен другими заботами... Да и, думаете, вас было так уж просто найти?..

– И какими же? – недовольно спросил Марвин.

– Он не делится с нами своими планами...

– Врёшь, сука!..

– Марвин! – гаркнул Зигфрид. – Не оскорбляй её...

– Ты что, спятил?! Она перебила почти весь наш отряд вместе со своими сёстрами!

– Не оскорбляй её... – теперь уже с прищуром, глядя прямо в глаза, процедил ему принц.
– Ах! – махнул он рукой, – Ну вас! Я, пожалуй, вздремну. – и ушёл к своей палатке.

Повисла неловкая тишина. Зигфрид решил помешать рагу в котле. Спустя минуту первая решила нарушить тишину Гейр:

– Я... Герр, я хотела ещё раз поблагодарить Вас за милосердие...

– Благодарю не меня – благодарю Его... – и указал пальцем в небо, глядя туда же. Повисла пауза.

– Мне вот интересно. Насколько же твоё покаяние было искренним?... – решил нарушить паузу своим вопросом принц франков.

– Вот увидите, герр, я буду хранить Вам верность.

– О, это мы ещё посмотрим. Это мы её посмотрим... – он зачерпнул рагу из котла деревянной ложкой. – Такое-то ты ешь?

– С удовольствием, – сказала она и улыбнулась.

Их разговор прервал каркнувший ворон, сидящий на одном из деревьев над ними. Собеседники обратили на него взор.

Марвин к тому времени уже лежал внутри своей палатки. Мысли носились в голове быстрее, чем мозг успевал их должным образом обдумать. Он ещё не отошёл после недавнего заключения в часовне Старгарда, и потому сон навалился на него столь же неожиданно, как и в прошлый раз.

Проснулся он вместе с предрассветными сумерками. Сначала не понял, от чего, но вдруг из соседней палатки, в которой лежала изувеченная духом и телом Амалия, послышались стоны — и Марвин сразу понял, что именно его разбудило.

Откинув занавески, он быстро выбрался из своей палатки и устремился к палатке Амалии.

— Амалия! — он откинул шторку палатки. — Ты как?

Ему не приходилось в своей жизни раньше ещё никогда видеть человека, которому было бы настолько плохо: зубы её стучали — её лихорадило; она бормотала себе под нос что-то невнятное с приоткрытыми глазами, в которых читался пустой взгляд, не сфокусированный на каком-либо объекте; головой она бессильно мотала то влево, то вправо. Несла бред.

— Бог ты мой! — он потрогал её лоб — она вся горела.

Ему нечего было предложить ей, кроме утешения — вся собственность Марвина была уничтожена людьми короля Гундомара ещё в Старгарде, а искать что-либо из уцелевших вещей времени не было — они спешно покидали этот город. Возможно, в поклаже Зигфрида и можно было бы что-то найти...

С этой мыслью он спешно покинул палатку Амалии, в которой она лежала одна. Лагерь пустовал. Только сейчас Марвину пришла в голову мысль, что в лагере их никто не дежурит, однако костёр ещё полыхал весьма сильно.

«Какого дьявола тут творится!?!», — мысленно выругался про себя он.

Немного постояв, у него разыгралось богатое воображение: а что, если Зигфрид уже убит, а эта проклятая валькирия сейчас готовится нанести ему удар в спину?

Он резко обернулся — ничего.

— Зигфрид! — прокричал вдруг он — то ли от страха, то ли от гнева.

В ответ тишина.

Он устремился к палатке принца. Откинул шторку — и в ноздри ему ударил алкогольный смрад.

— Ахххх... — резко отпрянул он. Но долг требовал-таки найти Зигфрида, — Зигфрид! — он просунул голову в палатку через отдернутую шторку и увидел следующую картину: внутри сей маленькой палатки опьянённый Зигфрид с голым торсом лежал в обнимку с совершенно нагой тварью, путы на руках которой также отсутствовали!

Принц поёжился в свете проникающего света от лагерного костра, прикрыл открывшиеся глаза рукой.

— Марвин... Чего тебе?

— Невозможно... — глаза пресвитера округлились, — Зигфрид, как ты посмел возлечь с нею?..

Тут пошевелилась и Гейр.

— Что такое, мой милый принц?.. Этот жрец опять беспокоит тебя?.. Может, мне разобратся с ним?

— Не нужно, — буркнул Зигфрид.

Марвин же был слишком потрясён, чтобы бояться.

Он спешно высунулся из палатки и отпустил её шторку.

Тогда-то он и принял то роковое решение покинуть Зигфрида и бургундов. А с другой стороны: на что они все ему? Сам он всю жизнь был лишь тенью епископа Ария и исполнял его волю, а по происхождению он является гиберном. Всю жизнь он был трусом, но не было ни малейшей причины оставаться с ними. Власть в Бургундии захватили сумасшедшие язычники, епископ Арий убит, все рыцари Ордена рыцарей Фрауьи тоже — один Зигфрид остался, но он умер для Марвина и Господа иным образом... Он умер содомской смертью, как обозвал бы это епископ Арий. А Гунтер, Гизельгер, Кримхильда: кто они ему? Обычные болванчики, маячащие где-то на фоне его жизни. Нет, Марвин нисколько и ни в коей мере не допускал того, что им удастся этот их замысел по спешной эвакуации на кораблях куда-то на север, как говаривал ему падший принц — Гундомар достанет их. Он обязательно достанет их и прикончит, как прикончил и епископа Ария. Но сейчас не время думать обо всём этом...

Не успел Марвин уснуть с тяжёлой головой, в которой то и дело носились навязчивые мысли, и тяжёлым сердцем, как вот, он проснулся!, новый период бодрствования не принёс ничего другого, кроме новой волны потрясений, и не прошло и нескольких минут после пробуждения, как разум его снова наполнился различными мыслеформами, новыми и старыми.

Не без труда отбросив эти размышления, он начал шарить по сумам в лагере — ничего, что могло бы облегчить страдания несчастной. Устремился к Грани — единственному оставшемуся в живых коню из двух — кобыла Марвина, на которой он выехал с их отрядом из Старгарда, в пылу боя с валькириями отрубили голову — и поклажа коня Зигфрида пустовала от чего-либо, что могло бы облегчить страдания несчастной...

— Чёрт бы их всех побрал! — выругался Марвин, и хотел было уже ударить Грани по боку, но убоился ответного удара — нередки случаи, когда конь одним ударом своих копыт убивал человека — придержал удар.

Тут он, сам не ведая зачем, повернул голову куда-то вправо, в сумерки утра — только после, вспоминая этот случай, бывший пресвитер понимал, что это Сам Господь-Бог направил его взор в тот момент... Кто знает, не найди тогда Марвин то, что он там нашёл, может, и Амалии-то и в живых не осталось...

Перед его взором предстал самый настоящий, словно бы ждал его появления, красный гриб с бледной ножкой и такими же бледными точками на красной шляпке.

— Гриб берсерков! — воскликнул Марвин и устремился к находке. — Это как раз то, что сейчас нужно...

Не долго думая, он сорвал его, и чуть ли не бегом помчался обратно в палатку Амалии.

Нашёл он её внутри всё в том же плачевном состоянии, в котором она пребывала при прошлом его появлении несколько минут назад.

— Отец... Это ты?.. — простонала она.

— Нет, Амалия, это я, Марвин! — он пал пред ней на колени, — Сейчас тебе станет лучше, съешь это.

— Матушка...

«Ага, конечно, так она сама и возьмёт и съест... Какой же я болван...», — мысленно произнёс врачеватель.

Он оторвал кусочек, приподнял голову и торс Амалии, и заставил её прожевать. Кусок и ещё один... Через несколько минут она уже погрузилась в беззаботную дрему.

Марвин дождался прихода к ней крепкого сна и взялся за её культю. Размотал шину из каких-то тряпок — нагноений, воспалений и кровотечений не обнаружено. Что же, в таком случае, могло вызвать лихорадку? Лишь только прозвучал в голове этот мысленный вопрос, как сознание сразу же дало ответ — Нотунг. Очевидно, этот меч, которым Зигфрид отрубил кисть бедной Амалии, обладает какими-то ещё свойствами, о которых не знает ни сам Зигфрид, ни уж тем более кто-то другой. Этот меч, а вернее, страшные вещества в смеси, которой этот меч закалялся, могли вызвать порчу в месте обрубки конечности. У бывшего пресвитера Старгарда не было иных средств от сего недуга за исключением одного.

Он спешно направился к своей палатке и нашёл там единственный оставшийся у него предмет из его собственности — он берёт его как зеницу ока даже во время своего пребывания в заточении в часовне Старгарда — этот предмет был его утешением и с ним его не удалось разлучить слугам короля Гундомара. Заперев его внутри часовни и спалив все его пожитки в его временном месте жительства в, слуги короля и представить себе не могли, что могло храниться нечто ценное в затхлой часовенке. Бывший пресвитер развернул выдавшую виды тряпицу, в которой была сокрыта она — Библия в переводе на готский язык, сделанном Вульфиллой, или Ульфилой (что можно перевести на русский язык как «Волчонок»). Этот перевод Библии представлял из себя знакомую нам Библию, состоящую как из Ветхого Завета, так и из Нового, однако в Ветхом не содержала в себе Книгу Царств — одну из самых воинственных частей Библии. Многие полагают, что церковниками это было сделано намеренно, дабы при проповеди готам и другим германцам, понимающим готский, снижать их воинственный дух. Действительно, чего стоит только один момент, где праведный царь Давид, цитата (2-я Книга Царств, 12:31): *«А народ, бывший в нем, он вывел и положил их под тилы, под железные молотилки, под железные топоры, и бросил их в обжигательные печи. Так он поступил со всеми городами Аммонитскими. И возвратился после того Давид и весь народ в Иерусалим.»* Весьма жестоко, не так ли? Подобных моментов в Книге Царств и в Библии в целом можно найти ещё уйму, однако именно этого долгое время были лишены германцы и прочие варвары, слушающие проповеди Вульфиласа и его последователей на готском из готского перевода Библии.

Марвин ещё раз с упоением осмотрел лицевую сторону обложки сей Книги. Книга была толстенная, не смотря на отсутствие Книг Царств — сама она была со всех сторон покрыта серебром, а контур по краям со вписанными внутрь свистичными узорами был позолочен — сами свастики были чёрного цвета. Такая, без сомнения, с большой буквы Книга, должно быть, должна стоить уйму денег — за неё небось и квартиру в самом Риме можно было бы приобрести за такие-то деньги! — однако Марвин ни в коем случае не намерен был продавать данную святыню — это было всё, что осталось у него в его собственности и всё, что осталось от некогда жившего и проповедующего епископа бургундов Ария Руга. Марвин теперь сожалел, что не разговаривал со своим наставником о сей Библии ранее подробнее, но тем не менее всё же помнил несколько слов, которыми с ним сам епископ однажды обмолвился по этому поводу... Со слов епископа Ария, данный экземпляр готской Библии ему достался непосредственно от самого Вульфилы, однако доподлинно неизвестно, встречался ли сам епископ с «апостолом готов», либо же эта Книга была передана ему из други рук. Жизнь епископа Ария была подобна полёту летучей мыши и сложно что-то сказать наверняка на этот счёт. Про самого Вульфилу Марвин тоже особо ничего не знал. Неизвестно даже, были ли этот «апостол готов» сам готом по происхождению или же являлся кем-то иным, подобно епископу Арию, являющемуся по происхождению ругом, однако проповедующему остаток своих дней бургундам. Одни говорят, что этот Вульфилас был то ли засланным греком, дабы смирить воинственный пыл готов всё

тем же «учением Христа», другие говорят, что он был наполовину готом, по отцу, а мать же его являлась гречанкой, возможно, изначально взятой в плен при налёте, а после на ней женился один из готов, освободив её — именно эта гречанка, очевидно, по религиозных взглядам христианка арианского толка, и могла поспособствовать к приобщению маленького Вульфилы к христианству. Точно уже и не скажешь, как оно там было.

Но что-то Марвин засиделся, облюбовывая эту Книгу со всех сторон — в соседней палатке его дожидалась ещё недавно стенающая, но смиренная грибом берсерка Амалия.

Он также поспешно направился в её направлении. Когда добрался — она всё так же мирно спала. Нужно было действовать. И он действовал.

Склонившись над ней на обе колена, Марвин быстро открыл Псалтырь в Библии, разжёг ладан в своей кадилнице, и стал окуривать палатку как следует... Тут появилась мыслишка окурить и палатку Зигфрида, дабы тот узрел, с какой тварью он совокуплялся не так давно, но Марвин быстро прогнал эту мысль. Когда благоухание, приятное Господу, распространилось по окружающему пространству, он стал горячо молиться за избавление от всех ядов и порчи Амалии, которые мог содержать клинок Зигфрида, либо от чего иного, что губило её плоть — Марвин точно не знал, что являлось причиной этого недуга. Спокойствие их нарушал лишь тихий звук падающих на палатку капель дождя.

Сложно сказать наверняка, сколько времени Марвин провёл в молитвах, уповая на Господа, однако когда он откинул шторку палатки, за её пределами уже совсем рассвело. Кажется, Зигфрид уже пришёл в себя — он что-то делал у костра, вероятно, намереваясь разогреть завтрак, что служило им ещё несколько часов назад и ужином. Рядом маячила Гейр, совсем без каких-либо пут, снова в своей серебряного цвета кольчуге, коричневого цвета сапожках, но пока хотя бы не при оружии. Крылатый шлем на голове куда-то делся.

— С добрым утром, жрец! — весело воскликнула самодовольная валькирия и рассмеялась. Её реплика заставила обратить внимание на Марвина и Зигфрида, которой встречно воскликнул:

— Марвин, да, с добрым утром!

Сейчас Марвин мог бы упрекнуть Зигфрида за то, что он вот так позволяет ей спокойно разгуливать по округе — не со связанными руками. Хороша пленница, ничего не скажешь! Но он твёрдо решил затаиться в себе... Пришло к нему это желание сразу после того, как он увидел эту парочку обнимающуюся в палатке рядом. И, конечно же, не гневить ни его, ни его новую любовницу своими нежелательными для них вопросами и замечаниями. Отныне он решил заботиться лишь о себе и об Амалии. Разумеется, пока они странствуют вместе. Да, именно «пока». Марвин всю свою жизнь был трусом, однако твёрдо решил покинуть эту «компашку» во что бы то ни стало. Сейчас же необходимо было изображать равнодушие к происходящему.

— Да, да... И вам того же, — нехотя отозвался он. — Уже взялся за завтрак, я посмотрю, — обратился он к Зигфриду. Это было, скорее, утверждение, нежели вопрос.

— Да, рагу-то надо доесть... Как там Амалия?

— Я дал ей удачно подвернувшийся гриб берсерка, сейчас она спит.

— А это тебе зачем? — указывая на Библию в руке Марвина, спросила с явной насмешкой Гейр. — Ты что, молитвы читал что ли? — и умеренно рассмеялась.

«Хорошо она пытается заслужить прощение у Господа, ничего не скажешь», — подумалось в связи с этим Марвину, в ответ же он промолчал и лишь нахмурился.

— Гейр, отстань от него, — урезонил её принц. — Марвин, тебе накладывать?

— Нет, я не хочу есть... — он и правда не хотел есть. — Спасибо, — ответил он, и молча зашагал к своей палатке, шелестя тёмно-бордовой мантией, испачканной и выдавшей вида.

Он действительно не хотел есть — последний перенесённый стресс просто не позволял и куска в рот взять. Хотелось рыдать. Другое дело Зигфрид, который, в отличии от Марвина, был полностью спокоен телом и душой, если от той души вообще хоть что-то ещё осталось...

А с другой стороны, это не плохое решение проблем: коль нет души, то и душевных страданий тоже нет... Это ж надо было найти в себе смелость сначала предать всех беженцев из Старгарда, что шли за ним по пятам, спасаясь от гнева короля Гундомара, в объятья смерти — страшные слова до сих пор стояли в ушах у Марвина: «Я не отдам вам этот пояс, — имелся в виду Бресингемен, — это мой трофей!» — как-то так они звучали. Память уже начала размывать ту роковую фразу, но смысл остался прежним. Более того! Далее этот падший принц осмелился пощадить жизнь одной из тех, кто убивала их спутников своими мечом! Но и это не всё! Он осмелился отсечь руку Амалии, когда та устремилась отомстить за своего отца этой отвратительной падальщице. Столь уж было необходимо именно сечь кисть? Неужели столь опытный вояка не мог как-то по-другому обезвредить несущуюся на них несчастную? Хорошо... Пусть так... Но что сделал Зигфрид дальше? Он переспал с валькирией, которую он пощадил, практически на трупах их убитых товарищах и её убитых сестёр! Рядом с в это время корчившейся в муках Амалией, которую он и лишил кисти. Неужели все размышления принца в тот момент, когда эта Гейр просила пощады, были сосредоточены лишь вокруг её тела? Проще говоря, неужели Зигфрид пощадил Гейр лишь затем, чтобы спать с нею? Марвин решительно не мог понять этот мир. Неужели даже, — по его-собственному мнению раньше и по мнению епископа Ария, когда он был ещё жив, — лучшие из живущих, принимая то или иное решение, руководствуются столь низжайшими помыслами?

Теперь Марвин не мог отнести старого приятеля Зигфрида даже к числу никейцев.

«Или у них у всех так, у никейцев? Сначала грех, а потом мнимое покаяние, поедание хлеба и запивание его вином?», — в связи с этим подумал он, отворачивая шторку своей палатки и проползая в неё. — «Нет, даже для них это переходит все грани дозволенного... Зигфрид окончательно пал во тьму», — закончил свою мысль Марвин, пряча Писание под тряпицу, из которой оно ещё не так давно было извлечено.

Через пару недель движения быстрым, насколько позволяло состояние Амалии, темпом на восток Косзан был наконец достигнут путниками. Путь этот выдался тяжёлым и под конец им всё реже доводилось разводиться костры — запас сухих дров истощился, а сушняк найти не предоставлял возможным не переставая льющий дождь, то усиливающийся, то ослабевающий. Весна в этом году выдалась тяжёлой. Поход утяжелило и состояние Амалии, однако спустя примерно неделю по неведомому стечению обстоятельств ей вдруг стало лучше — видать, молитвы Марвина не остались не услышанными... Любовники стабильно удалялись для уединения чуть ли не каждый вечерний привал, а бывший пресвитер Старгарда то и дело читал Писание — в свободное от ухаживаний за Амалией время, разумеется.

Однако всё это было позади — на горизонте показались огни Косзана. Они прибыли в сумерках — в самое тёмное время суток, как принято считать, когда даже яркий свет не столь эффективно рассеивает тьму, как в более тёмное время суток, ночью.

Стражи выставлено не было, да и зачем? Планировалось сохранить максимальную анонимность, ведь если вокруг поселения будут блуждать мужи при оружии — у кого-то могут возникнуть подозрения... Осталось дело за малым — найти, где базируются их женщины.

— Вот мы и добрались, — заключил Зигфрид, ведя верного белого Грани под узды. Рядом, довольная собой, шла Гейр, чуть ли не опираясь на своего принца. За ними, чуть поодаль, следовали остальные спутники — Марвин чуть впереди и чуть поодаль от него Амалия. Последняя к тому моменту уже не испытывала болей, да и прочих проблем со здоровьем на ней не отражалось — не хватало лишь одной кисти.

— И с чего же нам следует начать? — чуть помолчав, отозвался Марвин, оглядывающий деревеньку перед собой. Из дымоходов валил дым — должно быть, местные готовят ужин, кто-то уже готовится отойти ко сну.

— Ну, признаков появления Гунтера и Хагена нет — если только они не вернулись по одиночке, либо и вовсе погибли — иначе бы, по нашей задумке, возле деревеньки должен был бы быть военный лагерь — на всю ораву не хватит домов. Собственно, точно и не знаю, что нам делать. Будем ломиться в первый попавшийся дом и спрашивать старосту, — рассмеялся Зигфрид.

Так они и сделали. Зигфрид, а за ним и остальные, подошли к первому попавшемуся у них на пути строению — одноэтажному, дощатому и с закрытыми ставнями — из трубы валил дым. Стук в дверь не заставил себя ждать. Не прошло и полминуты, как дверь открылась, а перед взором домочадца — предстало четыре странника с накинутыми на голову капюшонами плащей.

— Доброго вечера! — начал жизнерадостный принц, — Я Зигфрид, это мои спутники, — обвёл он их рукой позади себя, — где тут староста? Нас должны ждать...

— Герр Зигфрид! — оживился и повеселел до этого равнодушный мужик среднего возраста, с лысиной на темени, кареглазый и чёрными густыми усами, — Моё имя Румольт. Я нанялся поваром для королевского семейства, так что, вы попали по адресу! Стало быть, мне необходимо подать ещё... Раз, два, три... Четыре порции! Вы прибыли как раз к ужину, и скоро всё будет готово! Ожидайте, а мой сын Фолькер пока проводит вас до ваших женщин.

Далее повар обернулся и крикнул во всю голосину во мрак своего дома:

— Фолькер! Поди сюда!

Зачем было так орать, не совсем понятно, ведь дом у Румольта был не то что бы большим... Тем не менее, его сынок явился в считанные секунды. На вид ему было лет 17-18, он был достаточно пригож, румян, на лице торчал юношеский пушок светлого цвета, однако видно, что он уже начал бриться ранее. Светлые волосы были у него и на голове, но вились в кудри. Глаза голубые, вопреки наследственности отца.

— Вы не обращайтесь на него внимание, — снова взял слово его отец, — он немного придурковатый, но дело своё знает. У него в голове лишь песни и пляски, так что, если он начнёт вам петь — не удивляйтесь, я вас предупредил. Учю, учю его уму-разуму — а толку ноль.

— Чему же ты его учишь, дурень? — с лукавой улыбкой спросил Зигфрид.

Румольт почему-то сделал вид, что не услышал оскорбления.

— Да как же чему? Тому, что сам умею. Местные хвалят меня за готовку пищи, у всех я на хорошем счету, пускай и он пойдёт по моим стопам, как я думаю...

— Нередко бывает, когда дети не хотят и не идут по стопам своих предков и не наследуют качества родителей. Посмотри на него! Какие плечи, а длина рук... Да этот парень явно заслуживает большего, нежели мешать ими суп! Отныне я беру его к себе в оруженосцы!

— В оруженосцы... — глаза отца округлились.

— В оруженосцы. Будет служить мне, чистить мою кольчугу, оружие... Кое-какие ещё поручения исполнять.

Отец не знал, как на это реагировать.

— Но...

— Отец! — прервал его сын, — Я готов пойти в услужение этому славному мужу Бургундии! Ты же сам говорил, что из меня ничего не получится. Так отпусти же меня!

— Я... Я попробую. Да, можешь идти. Отныне служи ему, как служил мне. А пока покажи им, где остановилась принцесса и остальные. За вещами зайди после.

— Да! — лицо юного Фолькера засияло, он чуть ли не бегом выбежал на улицу под дождь.

— Плащ-то надень, болван!.. Дождь-то какой...

— Хорошо, отец, — отозвался сын и воротился.

Зигфрид переглянулся с остальными спутниками.

Не прошло и минуты, как их новоявленный спутник снова вышел к ним на улицу в полном необходимом облачении.

— Проследуйте за мной. Это здесь, не далеко.

Сделав пару десятков шагов, Фолькер вновь обратился к шествующему рядом Зигфриду:

— Герр Зигфрид, так когда я поступлю к вам на службу?

— Считай, что ты уже поступил, — ответил он и таинственно улыбнулся, обнажив белые зубы и красные дёсны.

— Вот так просто!? Не нужно ни клятв, ни чего другого?

— С этим пока подождём, сейчас есть дела поважнее. Как управимся с этим делом, возвращайся домой, простись с семьёй как следует, а завтра к полудню я жду тебя у себя... Кстати, стало быть, мы не поместимся все в одном доме, если я правильно понял, куда мы идём? С виду, дом совсем не большой. Я правильно понял, что именно сюда ты нас и ведёшь? — указал он на двухэтажное дощатое сооружение впереди, с виду не сильно больших размеров.

— Именно так, герр. Но я не уполномочен распоряжаться квартирами в нашем поселении. Это вам к старосте.

Они остановились — сначала Зигфрид, затем их проводник, затем и все остальные, идущие следом.

— Нет, малыш, это тебе к старосте, — ткнул он его пальцем в грудь, отчего тот немного пошатнулся, — распорядись поселить нас. Да что бы не сильно далеко от остальных наших! Нет, лучше приведи старосту сюда...

— Будет исполнено, господин!

— Вот и славно... А теперь бегом отсюда!

— Есть! — и в мгновение ока он удалился.

— Ну, — тем временем Зигфрид обернулся к собравшимся, — вот мы и на месте! Добрались!

Пройдя ещё несколько шагов, они остановились у порога строения без видимого фундамента, чуть слева от дверного проёма, под небольшим навесом, — потому и не тух!, — горел факел. Зигфрид постучал.

— Это, наверное, ужин принесли... — услышали они изнутри приглушённо.

Зигфрид обернулся на спутников, и улыбнулся — в ответ улыбнулась лишь Гейр.

Дверь отворилась. В дверях показался Гизельгер. Сначала он и слова-то проронить не мог, лишь молча ошарашенно, открыв от неожиданности рот, смотрел то на Зигфрида, то на его спутников за его спиной: то на Марвина, то на не знакомую ему пока Гейр, то на такую же пока не знакомую Амалию... Зигфрид же всё это время улыбался.

— Ну что такое, принц? — обратился он к Гизельгеру, — Не узнал что ли меня с Марвином? — и рассмеялся.

— Ну кто там? — за его спиной возникла ещё живая Эмма, — Зигфрид! — развеселилась она, и скрылась в доме, — Мой спаситель вернулся! — послышалось издали.

— Господи, я чертовски рад вас всех видеть! — вышел вдруг из оцепенения Гизельгер, — Давайте скорее в дом! — и распахнул перед ними дверь пошире, а сам отступил чуть в сторону. Все поспешно вошли. — Эй, а кто это с тобой?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.